

К. С. ОСИПОВА

«История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике

В ноябре 1974 г. в Отделе редкой книги Харьковского университета Г. Н. Моисеева обнаружила рукопись «Истории о великом князе Московском» Курбского и высказала предположение, что она принадлежала В. В. Голицыну.

В «Кратких сведениях о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького», составленных ныне покойным профессором университета Н. П. Жинкиным, «История» А. М. Курбского описана как рукопись XVII в., последнюю страницу которой завершал акrostих, «...состоявший из слов „царю Алексею Михайловичу вечная память“, расположенных в колонку из 18 строк»; о принадлежности рукописи В. В. Голицыну не упоминалось.¹

Последние годы этот список значился среди утерянных. Так полагал и автор статьи, посвященной «Истории», К. А. Уваров,² включивший ее, однако, в перечень известных науке рукописей и даже назвавший инвентарный номер, с отсылкой к описанию Н. П. Жинкина. В статью К. А. Уварова вкрался еще ряд неточностей: не известно, на каком основании он передатировал рукопись XVIII в. и дал неверное обозначение ее объема, указав 236 л.

Поскольку названная рукопись подробно еще не была описана, а в то же время имеет сложный состав и содержит кроме «Истории о великом князе Московском» еще целый сборник сочинений Андрея Курбского и произведения ряда других писателей, приводим ее описание.

Рукопись хранится в Отделе редкой книги Харьковского университета (инв. № 129, сейфовый № 168/с), представляет собой скорописный сборник, в лист, в кожаном коричневом переплете, порванном вдоль корешка, и насчитывает 394 л.

На л. 236 об. тем же почерком, каким написаны сочинения А. Курбского, сделана запись о принадлежности рукописи В. В. Голицыну: «185 (1677) года генваря в 22 день писана сия книга в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына. Глаголемая же сия книга История».

На титульном листе — заглавие: «История о великом князе Московском». Однако кроме «Истории. . .» Курбского (л. 1—134) сборник включает целый ряд других произведений:³ «Епистолия первая Андрея Курб-

¹ Н. П. Ж и н к и н. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 472.

² К. А. У в а р о в. «История о великом князе Московском» в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — Ученые записки МГПИ, 1971, т. 455, с. 31, 69.

³ Заглавия произведений передаем согласно рукописи.

ского. . .» (л. 134 об.—138), «Краткое отвецание Андрея Курбского на зело широкою епистолию князя великого Московского» (л. 138 об.—140 об.), «На вторую епистолию отвецание цареви великому Московскому убогаго Андрея Курбскаго Ковельского» (л. 141—148). Особо выделены статьи: «В коем преподобие есть, тому ничесо же убивает ко блаженному житию от премудрые книги Цицеронови, глаголемые Парадоксы, сопровтив Антонию ответ» (л. 148 об.—150), «Сопровтив Клавдиуса, яже изгнал бысть Цицерена из града Римского тоне. Глава 17» (л. 150—157 об.). Лист 152 об. чистый; далее продолжается текст со слов «Зри, о царю, со прилежанием. . .». После подписи «Андрей Курбский княжа на Ковлю» идет статья «Аще пророцы плакали» (л. 158—160 об.), «Лист Андрея Ярославскаго до Костянтина Острожскаго» (л. 161—162), «Лист Андрея Курбскаго до Марка ученика Артемия» (л. 162 об.—165), «Лист Андрея Курбскаго до Кузмы Мамонича» (л. 165 об.—167 об.), «До Кузмы Мамонича лист 2» (л. 168—170), «Епистолия ко Кодиану Чапличу Андрея Ярославскаго» (л. 170 об.—174 об.), «Лист Андрея Ярославскаго до пана Федора Бокея Печихвостского» (л. 175—176 об.), «Лист вторый Андрея Ярославскаго до Федора Бокея» (л. 177—177 об.), «Лист князя Андрея Курбского до княгини Ивановое Черторыжское» (л. 178—179 об.), «Цыдула Андрея Курбскаго до пана Древинского писана» (л. 180—181 об.), «Лист Андрея Ярославского до князя Костянтина воеводы Киевского» (л. 182—183), «Цедула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы Киевского» (л. 183—186 об.), «Цедула писана до пана Остафия Троцкого» (л. 187—187 об.), «Посланейцо краткое к Семену Седларю» (л. 188—189 об.).

Начиная со следующего листа помещены переводы из бесед Златоуста: «Нравоучение от беседы 29» (л. 190—195), «Бога никто же виде» (л. 195—201), «Нравоучение 15» (написано на поле киноварью), «Яко же друг другу любви и яко не подобает своя токмо искати, но и ближняго» (л. 201—202 об.), «Ответ восточных, или Щит церкви правоверной» (л. 202 об.—204), «Евангелие от Иоанна. Беседа 38» (л. 204—210), «Нравоучение 38 о тщеславии» (л. 210—211 об.), «Востаните, идем отсюду, аз емь виноград истинный. . .» (л. 211 об.—215 об.), «Евангелие от Иоанна. От беседы 25» (л. 216—217), «Нравоучение 25. Яко некрещены, аще и безчисленная им бес исправления умрет, в геену отходит» (л. 217—219). Лист 219 об. чистый, а со следующего листа начинается «История о Флорентийском соборе» («Ого истории о осмом соборе и о разорваню или раздратию умиленю восточных церкви западными. Написано в Вилне от неякого судиякона. . .» (л. 220—226 об.)). Далее (л. 227—236) помещены переводы Курбского из Хроники Евсевия «Новопреложенная повесть, или Гадание, або пря. . . Евсевия архиепископа Кесарийскаго», «О споре епископов во Азии о пасхе» (л. 228—229 об.), «О споре ликования ради пасхи. От главы 5» (л. 229 об.—230 об.), «Епистолия Костянтина ко церквам» (л. 230 об.—231), «Того же о согласию ликования пасхи и сопровтив иудеем. От главы 17» (л. 231—233), «Накозавание ко последованию. . .» (л. 233—234 об.), «От книг 5» (л. 234 об.—236). Владельческая запись на л. 236 об. занимает пол-листа; следующий лист оставлен чистым. Листы 238—249 об. занимает повесть «О приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань, принадлежащая, как установлено,⁴ А. Гарновскому. Лист 250 чистый; на л. 251—282 об. помещена книга Гваньини «Гвагнаина книга. 3 часть. О описании царства Московского и государств, к нему прилежащих». Лист 283 чистый. На л. 284—340 помещено Первое послание царя Ивана Грозного к Андрею Курбскому; текст этого Послания не имеет за-

⁴ Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 550.

главия и начинается с середины л. 284 со слов: «Господь наш Троица, иже прежде век святой. . .». Листы 340—342, 344 оставлены чистыми. Лист 344—377 и л. 377 об.—393 занимают сочинения Симеона Полоцкого «Глас последний ко господу богу» и «Плач россиян». На л. 393 об. — «Заключение»; на л. 394 — «Сице» — акrostих «Царю Алексию Михайловичу вечная память».

Перу А. М. Курбского принадлежат сочинения, занимающие л. 1—236 сборника, начиная с его «Истории о великом князе Московском» до повести А. Тарновского.⁵

Водяные знаки на голландской бумаге: шуты с бубенцами на воротнике. Имеются два основных варианта филиграни (la folie): в самом начале рукописи на чистом листе — голова шута с 5 бубенцами на воротнике и косой на спине, а на большинстве остальных листов другая фигура шута — с 7 бубенцами. Оба этих водяных знака С. А. Клепиков⁶ и А. А. Гераклитов⁷ относят к XVII в.

Фигура шута с 7 бубенцами просматривается на протяжении всей книги, начиная с титульного листа до л. 237 (с этого листа в середине сборника имеются листы без филигрanei или с другими водяными знаками), далее на л. 258—309, 319—328, 346—394. После л. 238 просматривается другой водяной знак XVII в. — герб города Амстердама⁸ (л. 238, 241—244, 250—252, 310, 313, 314). На л. 330, 331, 333, 336, 338—340 и 344 просвечивается еще одна филигрань — прямоугольник с рисунком, напоминающим завитки (этот водяной знак очень нечеткий, его трудно разобрать). Что касается литер (чаще всего встречаются в рукописи литеры NB, CR и CB), то их не удалось расшифровать, так как им нет соответствия (в комплексе с фигурами) в альбомах указанных авторов, а также у К. Тромонина⁹ и Н. П. Лихачева.¹⁰

С XVII в. также связан почерк сборника — скоропись (начертания букв со всеми их вариантами безусловно характеризуют скоропись именно этого времени).¹¹ Слова в рукописи разделены между собой интервалами, которые, как известно, появляются в рукописях «в основном с XVII в., а в старопечатных изданиях — в XVI—XVII вв». ¹² При этом обнаруживается любопытная деталь: служебные слова в рассматриваемой рукописи еще соединены с самостоятельными словами (например, «задвадни» —

⁵ По предположению Ю. Д. Рыкова, список Музейного собрания, ф. 178, № 8324, л. 8—60 был сделан именно с данного сборника В. В. Голицына. Сведения об этом сборнике исследователю известны по трудам И. Шляпкина и В. С. Иконникова (см.: Ю. Д. Рыков. Списки «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского в фондах Отдела рукописей. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 34. М., 1973, с. 119).

⁶ См.: С. А. Клепиков: 1) Филиграни и штемпели. М., 1959, с. 26; 2) Бумага с филигранью «голова шута» (foolscap). — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 26. М., 1963, с. 407, 410. Автор пишет, что сочетание «головы шута» и знака Дюринга характерно для середины XVII и первой половины XVIII в., и далее уточняет, что филигрань «голова шута» с семью зубцами свойственна середине XVII в.

⁷ А. А. Гераклитов. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 171, № 1210 (1681); с. 205, № 1383 (1680).

⁸ См.: С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 20. М., 1958, с. 317. Иллюстрируемый С. А. Клепиковым герб города Амстердама (по альбому Черчилля, № 1) идентичен имеющемуся в Голицынской книге.

⁹ К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844.

¹⁰ Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк. СПб., 1891.

¹¹ См. таблицы буквенных обозначений в кн.: Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, с. 365—366 (табл. 10), 370 (табл. 11), 371 (табл. 12).

¹² В. И. Боровский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 39.

л. 22 об., «инетокмо» — л. 39 об., «непредочима» — л. 287, «нозаслово» — л. 346, и др.). Это также служит признаком создания списка никак не позднее XVII в. В. И. Борковский и П. С. Кузнецов указывают на это переходное явление: «Когда начинают использоваться интервалы для разграничения слов, служебные слова, соседние с самостоятельными (предлоги, союзы, частицы), пишутся обычно слитно с последними».¹³

Сборник переписывался несколькими лицами, о чем свидетельствуют разные почерки. Явно вырисовываются 5 почерков. В л. 1—236 постоянно чередуются два почерка: первый — довольно четкий, прямой, второй — более наклоненный влево, широкий. Третий почерк — с мелкими буквами, четкий, приближающийся к полууставу. Переписчик здесь пользовался ярко-черными чернилами, в отличие от более тусклых в начале сборника. Этим третьим почерком написано единственное произведение — повесть «О приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань» (л. 238—249 об.). Книга Гваньини (л. 251—282 об.) переписана, по-видимому, тем же лицом, который работал над первыми произведениями сборника (частью «Истории» Курбского, некоторыми его письмами и книгой Гваньини). Первое послание Ивана Грозного написано двумя иными почерками: во-первых, мелким почерком, форма букв которого явно отличается от начертания букв начальных листов сборника (л. 284—312); во-вторых, почерком с буквами округлой формы (особенно заглавных — л. 313—326, 328—340). В этом произведении только один лист написан основным, первым почерком сборника (ср. начальные листы сочинений Курбского и л. 327). Сочинение Симеона Полоцкого переписано почерком, который мы находим на л. 284—312. Одному и тому же лицу принадлежат листы в начале книги, в середине и в конце (л. 327). При этом наблюдается еще одна особенность рукописи: один и тот же переписчик пользовался листами (особенно в конце сборника) с разными филигранями: книга Гваньини переписана одним лицом на листах с двумя водяными знаками (герб Амстердама и голова шута с семью бубенцами). Стихи Симеона Полоцкого помещены на листах с изображением прямоугольника с завитками и головы шута.

На протяжении значительной части сборника (кончая «Историей о осьмом соборе») на полях рукописи имеются приписки, а также дополнения к тексту в строке, над отдельными словами и на полях, выполненные черными чернилами и киноварью (о них будет речь особо).

Обращает на себя внимание титульный лист рукописи, украшенный в манере, типичной для XVII в.: орнамент заставки исполнен в травяном стиле (цветы, листья, плоды) с миниатюрой в середине, создающей пространственное впечатление (рис. 1). В центре заставки — фигура Христа с нимбом. В орнаменте господствуют тускло-красный и несколько оттенков зеленого цвета; со всеми этими признаками Л. В. Черепнин связывает основные черты рукописного орнамента XVII в.¹⁴ Некоторые детали орнамента выполнены золотом. Пышность оформления дает основание полагать, что сборник был выполнен по заказу знатного человека.

О XVII в. свидетельствует также и манера, в которой написано заглавие. Это характерная для рукописей XVII в. геометрическая вяз с матовой лигатурой.

Изложенные выше наблюдения над филигранями, почерками и оформлением рукописи, а также датирующая запись, сделанная 22 января 1677 г. на л. 236 об., и завершающие сборник сочинения на тему о смерти царя Алексея Михайловича позволяют сделать заключение, что сборник

¹³ Там же, с. 40.

¹⁴ Л. В. Черепнин. Русская палеография, с. 421—422.

Рис. 1. Титульный лист сборника.
Библиотека Харьковского университета, № 176.

был переписан полностью вскоре после смерти царя, умершего в 1676 г., и после того, как в этом же году Симеон Полоцкий написал ему свой некролог «Глас последний ко господу богу». По-видимому, сборник создавался в течение непродолжительного времени «в доме» и по заказу В. В. Голицына людьми, близкими ему и С. Полоцкому, когда В. В. Голицын еще пользовался авторитетом и влиянием. Иначе невозможно объяснить ни внесение в конец рукописи посвященных царю стихов С. Полоцкого, ни появление на л. 236 об. записи о написании книги «в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына» (рис. 2).

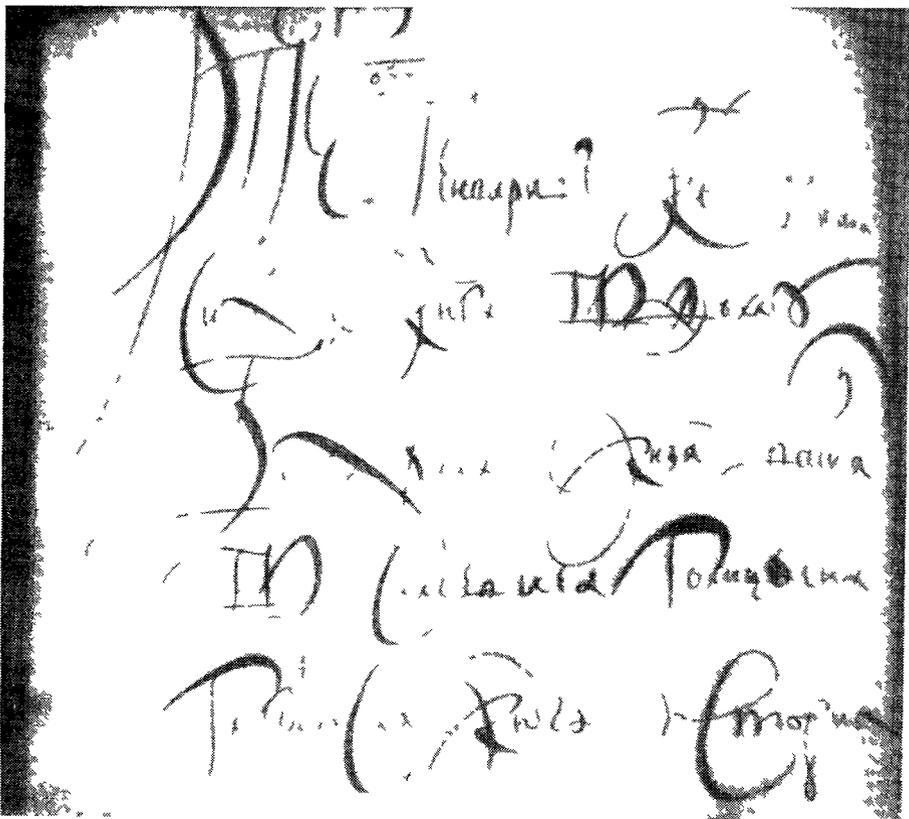

Рис. 2. Посвящение кн. В. В. Голицыну на л. 236 об.

Библиотека Харьковского университета, № 176.

Основываясь на владельческой записи, только что изложенных и ряде иных соображений, о которых скажем ниже, предлагаем для всего сборника установить условное название «Голицынский сборник», а для списка «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского из этого сборника — название «Голицынский список» «Истории».

Если сопоставить содержание Голицынского сборника с печатным описанием того сборника, который был опубликован Г. З. Кунцевичем,¹⁵

¹⁵ Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914 (далее: Кунцевич). Г. З. Кунцевичем использованы полные списки «Истории» Курбского, выполненные в XVII в., со всеми разночтениями.

оказывается, что оба они состоят в основном из одних и тех же произведений, кроме отсутствующих у Кунцевича: Повести А. Тарновского, книги Гваньини, Первого послания Ивана Грозного А. Курбскому и произведений Симеона Полоцкого. С другой стороны, повесть «О осьмом соборе» Голицынского сборника не имеет той концовки, которой завершаются печатные тексты Г. З. Кунцевича и Н. Г. Устрялова¹⁶ (см.: Устрялов, с. 267; Кунцевич — стб. 484).

Сразу же оговоримся, что в задачу настоящей работы не входит специальное изучение истории создания Голицынского сборника в целом, выявление его состава и процесса сложения, установление его места среди сборников, близких ему по составу, хотя, несомненно, именно эти вопросы представляют для исследователей особый интерес. Они тем более интересны, что Голицынский сборник, включающий собрание сочинений А. Курбского с его Первым посланием Ивану Грозному и Первым посланием Ивана Грозного Курбскому, был переписан для В. В. Голицына, как покажем ниже, по всей видимости, с рукописи, хранившейся у родственников Курбского. В данной статье ограничиваемся изложением лишь некоторых своих соображений об истории Голицынского сборника, которые опираются на документальные данные о взаимоотношениях Голицыных с потомками Курбского и на результаты сопоставления текста Голицынского списка «Истории о великом князе Московском» и списков «Истории. . .», исследованных Г. З. Кунцевичем, с выборочным привлечением результатов сравнительного текстологического анализа других произведений, входящих в состав Голицынского сборника.

Сопоставление Голицынского списка «Истории» А. М. Курбского с другими ее списками XVII в., лежащими в основе публикации Г. З. Кунцевича, приводит к выводу, что текст в них почти идентичен. Расхождения, не затрагивающие существа содержания, имеют отношение к отдельным фразам, лексике, грамматическим формам, т. е. это расхождения частного характера. Сопоставим для примера (вначале приводим слова из Голицынского списка «Истории», затем — из печатного издания Г. З. Кунцевича): «рече на поганого» (л. 15) вместо «реченнаго поганнаго» (стб. 181) во всех других списках; «от врат месских» (л. 15 об.) — «градцких» (стб. 181); «а что бы поведал» (л. 19 об.) вместо «а кто бы поведал» (стб. 186); «стратилатов» (л. 20 об.) вместо «стратилатьским» (стб. 187); «за ними» (л. 21) — сначала было «за нами», потом перечеркнуто «а» и поставлена буква «и» вместо «за нами» (стб. 188); «гды бы под солнцем» (л. 23) вместо «где бы под солнцем» (стб. 190); варианты: «селицом», «сонцем», «солнцем» (сноски под стб. 189 и 190); «ветреп» (л. 23 об.) вместо «ветр» (стб. 192); «сниглидове» (л. 28), «сниглиты» (л. 28) вместо «сигклидове», «сниглицы» (стб. 198); «средине же и задния людем» (л. 29 на об.) вместо «средним» (стб. 200), и др.

Голицынскому списку «Истории. . .» свойственны опiski в словах и фразах, обесмысливающие текст: «но иначе же» (л. 12) — «наипаче же» (стб. 178); «вытечки темили» (л. 19)¹⁷ — «вытечки имели» (стб. 186); «пешо коштурму» (л. 25) — «пешого ко штурму» (стб. 194); «Кулшериф-моллоу» (л. 28) — «Кулшерифмолвою» (стб. 198);¹⁸ «недовраты бяше» (л. 29 об.) — «надо враты» (стб. 200).

¹⁶ Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского. СПб., 1868 (далее: Устрялов).

¹⁷ Здесь и далее сохраняем орфографию Голицынского списка.

¹⁸ Н. Г. Устрялов при публикации передает это слово как «Кулшериф-моллоу» и указывает, что Кулшериф — имя мудлы (см.: Устрялов, с. 29); переписчик же Голицынского списка искажил слово и «Кулшериф».

Чем объяснить то, что в Голицынском списке «Истории о великом князе Московском» больше бессмысленных, искаженных слов с ошибочным, неправильным написанием, чем в списках, использованных в печатном издании 1914 г.? Вероятнее всего тем, что текст, с которого сделан список, был для переписчика XVII в. уже непонятным, так как был написан в сплошную строку, без интервалов между словами, и поэтому многие слова остались нерасшифрованными при попытке их расчленения. Кроме того, наличие некоторых дополнений, разночтений и языковых особенностей, отличающих Голицынский список «Истории» от всех других списков, исследованных Г. З. Кунцевичем, наводит на мысль, что у Голицынского списка «Истории» и всего Голицынского сборника была своя, несколько обособленная текстологическая судьба.

В Голицынской рукописи, так же как и во многих других списках (что видно из разночтений, учтенных М. Г. Устряловым и Г. З. Кунцевичем), произведения А. М. Курбского (только именно его сочинения!) сопровождаются большим количеством маргиналий, заметок и записей на полях, выполненных киноварью.

Что касается почерков маргиналий, то следует отметить лишь два: полуустав и скоропись XVII в., очень похожую на почерк сочинений А. Курбского. Скорее всего первоначально они были сделаны самим Курбским на его собственной рукописи или на некоторых сделанных еще при его жизни копиях. Разумеется, эти заметки на прижизненные копии могли перенести и переписчики. Судя по всему, не во все копии попали авторские примечания и заметки на полях, поэтому не во всех дошедших до нас списках они отразились.

Есть основания полагать, что списки, содержащие в себе больше приписок и добавлений на полях, древнее и ближе к оригиналу. К последним, по-видимому, и принадлежит рукописный текст, переписанный для В. В. Голицына. Конечно, некоторые из маргиналий могут быть интерполяциями переписчика или редактора. Мы же имеем в виду те пометы и объяснения, которые стилистически связаны со всем текстом, с идейным содержанием произведения и углубляют, разъясняют его. Заметки на полях рукописи, принадлежащей В. В. Голицыну, носят характер уточнений, разъяснений или переводов (толкований иноязычных слов, польских и татарских). Встречаются, например, такие уточнения: «докучением» (л. 1) — на полях рукописи соответствует слову «стужанием»; «прежде доброму» (л. 1) — «пресветлому»; «казал» (л. 2) — «повелел»; «от царя перекопского» (л. 5) — «крымского»; «всяческих не жаловал» (л. 6 об.) — «не пощадил»; «претвердыми» (л. 7 об.) — «наикрепчайшими»; «при царском венце лежит» (л. 24) — «бывает» и т. п. Параллельные истолкования слов более точно передают смысл предложения, авторскую мысль. Иногда разъяснения на полях носят более пространный характер: «Но и Гербершеен» (л. 2 об.) — далее характеризуется Герберштейн; «Куалый» (л. 8 об.) — «Сказ та измаилтеским языком Суала глаголется, а по-словенски Медведица, Танаис по-римски, а по-русски Дон, яже Европу делит с Азиєю, яко космографы описуют в землемерительной книзе». На л. 29 об. на поле читаем: «... юрт, измаилтеским языком абыкло нарицатися кралевство, або царство, само в себе стоящее».¹⁹ К фразе «... и дает дары, сиречь лико хто вместит добрым произволением» на поле добавлена ссылка на 18 беседу Златоуста: «... тако ж зри о добром свете в Златоустаго толкованию корницкосо в Послании втораго Павловых словес в орнауочению от бе-

¹⁹ В списках, обследованных Г. З. Кунцевичем (АР, ЛК, П), на полях также имеется это объяснение слова «юрт» (стб. 200).

седы 18» (л. 39 об.). Правда, переписчик не понял некоторых слов протографа и исказил их.²⁰

Во всех сочинениях Курбского, в том числе в его «Истории», употребляется много слов иноязычного происхождения: полонизмов, тюркизмов. Чтобы читателям был ясен их смысл, Курбский дает их перевод на полях, а против некоторых русских слов пишет слова-аналоги польски, раскрывая их смысл для поляков. Этот факт подтверждает мысль советских ученых о том, что свое сочинение «Историю о великом князе Московском» Курбский адресовал и русским и полякам, дабы настроить их против царя Ивана IV. Если бы свой труд Курбский думал обращать только к русским читателям, ему незачем было бы переводить известные, понятные русские, а также татарские слова на польский язык. Слово «казаков» (л. 16 об.) он переводит как «левентов»; «раздроченный» (раздраженный) (л. 18 об.) — словами «роспещонны желнерю»; «со церемониями» (л. 24 об.) — словами «солитиями»;²¹ «крестоносных» (л. 65 об.) — «крыжатов»; «стратилатов» (л. 155 об.) — «ротмистров»; «императором» (л. 161) — «гетманом». Наоборот, полонизмам и другим иноязычным элементам соответствуют на поле русские слова: «и срозе» (л. 6) — «и о ужасне»; «место великое мурованное» (л. 10) — «град великий от камня сооружен»; «шанцы» (л. 17 об.) — «туры»; «уроблено» (л. 24) — «сотворено»; «ко штурму» (л. 25) — «ко приступу»; «силлогизм» (л. 37 об.) — «слогию або стих»; «трвала» (л. 45) — «пробывала»; «рада» (л. 45) — «управление»; «целомудренне» (л. 66) — «воздержание»; «скарбы» (л. 69) — «казна»; «невдячное» (л. 180) — «неблагодарное»; «во философии» (л. 192) — «в любомудрии» и т. д. Тюркское «карач», или «корач», переводится как «сенатор» (л. 17 об.), или «наибольший советник» (л. 29 об.). Тюркское слово «имилдеши» истолковывается и по-русски и по-польски одновременно: «сиречь мамичия же бывает питаема единым сосцом со царским отрочатем» (л. 29 об.).²² Такое толкование сохраняется и в ряде других списков (АР, ПГ и др.).

В Голицыньском сборнике находится наибольшее количество приписок на полях, при этом некоторые из них не зарегистрированы ни в одной из других рукописей, привлекаемых Г. З. Кунцевичем. Приведем эти приписки: «не пощадил» (л. 6) — к «не жаловал»; против слова «улубии» (л. 17 об.) на полях дописано киноварью «великий князь татарский»;²³ в тексте «шанцы» (л. 17 об.) — на полях «туры»; слово «пушки» на полях (л. 18) объясняет слова текста «великие дела»; ко словам в тексте «взопроша караче» (л. 19) добавлено: «воспать обратися воевод бусурманских сил сенаторов»; «при наряде» (л. 19) объясняет выражение «при делех» в тексте; «солитиями» (л. 24) соответствует словам текста «со церемониями»; «поветрия» (л. 41) — добавление к слову в тексте «смертоноснаго»; «пробывала» (л. 45) — к «трвала»; «управление» (л. 45) — к «справа»; «крыжатов» (л. 65 об.) — к «крестоносных»; «казна» (л. 69) — к «скарбы»; «уподобление» (л. 176) — к «подражание»; «супостата или врага» (л. 183) — к «неприятеля». Приписки на полях Голицыньского сборника заканчиваются на «Истории о восьмом соборе». Случаи отсутствия перечисленных выше приписок в некоторых списках, содержащих «Историю о великом

²⁰ См. у Кунцевича в сносах под стб. 215—216 маргиналии в других списках, где присутствует, очевидно, более правильное написание слов (не «корницкосо», а «коринфского», не «орнавоучению», а «о нравоучению»), как того требует логика.

²¹ В списке УТ — «со службами» (см.: Кунцевич, стб. 192).

²² Ст.-польск. татшзус: 1) кормить (грудью) ребенка — о кормилице (Польско-русский словарь. Изд. 5-е. М., 1958, с. 259).

²³ Только в списке ПГ на поле написано «князь» (см.: Кунцевич, сноски к стб. 183 и 184).

князе Московском», и других сочинениях Курбского свидетельствуют, по-видимому, о том, что эти переписчики не видели Голицынского сборника.

Этому предположению не противоречит и другое наблюдение над вставками Голицынского сборника, которые внесены черными чернилами на полях и в текст над строкой. На л. 31 «Истории» Курбского читаем: «. . . рыдающим двема воином царским», а над словом «воином» сделана черными чернилами вставка: «слугам моим надо мною стоящим и другим двема». Любопытно то, что эта фраза, написанная в Голицынском сборнике над строкой, во всех остальных списках, учтенных Г. З. Кунцевичем и Н. Г. Устряловым, внесена в текст с единственным незначительным разночтением грамматического характера к слову «воином» в списке *T*, где читается «воинов».²⁴

Другая вставка черными чернилами сделана на полях л. 29 Голицынского списка «Истории». На этом листе в тексте после слов «сопротив их» сделана помета в виде крестика, которой на полях рукописи соответствует вставка: «у царева двора стоях, и не осталось уже было со мною». С помощью этой вставки восстанавливается следующее логически завершенное предложение: «Сопротив их у царева двора стоях, и не стало уже было со мною полтораста воинов, а их еще было с десять тысячей». Во всех остальных списках, учтенных Г. З. Кунцевичем и Н. Г. Устряловым, эта вставка также вписана в строку, внесена в сам текст.

Исходя из этих фактов, можно сделать два предположения. Во-первых, что Голицынский список «Истории» выверялся и исправлялся, а замеченные пропуски и ошибки были внесены черными чернилами над строкою и на полях рукописи (по-видимому, переписчиками?). В связи с этим возникает вопрос, кому принадлежат киноварные исправления.

Во-вторых, можно предположить, что составители Голицынского списка «Истории» работали над подлинным сочинением Курбского, содержащим авторские пометы, исправления и дополнения, и в точности воспроизвели их. Составляя сборник сочинений А. В. Курбского, А. Тарновского, Грозного, Гваньини и С. Полоцкого для князя В. В. Голицына, влиятельного вельможи второй половины XVII в., и одновременно посвящая свой труд памяти царя Алексея Михайловича, переписчики тем самым брали на себя большую ответственность. Получив, вероятно, один из авторских вариантов сочинений Курбского, они бережно отнеслись к тексту, сохранив его в первоизданном виде.

Естественно возникает вопрос: откуда и как в руки В. В. Голицына могла попасть ценная рукопись, содержащая собрание сочинений Курбского? Ответ при существующем положении вещей может быть только предположительным. Некоторый просвет в решении этой проблемы появляется благодаря двум документам, опубликованным Н. Г. Устряловым. В конце своего исследования о сочинениях А. Курбского Н. Г. Устрялов издал два списка с подлинных челобитных: челобитной шляхтича Александра Курбского царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу и челобитной польского князя Кашпера Курбского В. В. Голицыну. Содержание этих челобитных для нас чрезвычайно любопытно.²⁵

Первая челобитная была подана Александром Курбским 17 марта 1686 г.: «Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцам, бьет челом нововыезжий шляхтич князь Александр княж Кашперов сын Кур-

²⁴ См.: Кунцевич, стб. 201—202.

²⁵ Устрялов, с. 422. Рукописи эти, находившиеся в Московском главном архиве, были доставлены Н. Г. Устрялову А. Ф. Малиновским. Нами установлено, что в настоящее время список челобитной Александра хранится в ЦГАДА, ф. № 150, ед. хр. 2.

бский. В нынешнем, государи, в 194 (1686) году выехал я из Польши на ваше великих государей имя, и хочу вам, великим государям, служить в вечном холопстве, оставя свои маестности в Витебском воеводстве, помня милость прадеда и деда ваших великих государей к прадеду моему к князь Андрею Курбскому, и ныне видя вашу, великих государей, пресветлую милость к брату моему родному, ко князю Якову Курбскому, також и я хочу вашей господарской милости служить верою и правдою в вечном холопстве.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы! Пожалуйте меня: велите, государи, мне служить вам, великим государям, в вечном холопстве с братом моим, с князь Яковом Курбским, чтоб нам разлученья не было. Цари государи! смилуйте, пожалуйте». ²⁶ Далее течение дел было таким: поступил приказ «194 года, марта в 17 день, по указу великих государей, велеть того выезжаго иноземца князь Александра Курбскаго роспросить». ²⁷ Затем челобитная Александра Курбского была удовлетворена, и он «принят в службу; а как он был католик, то крещен и наречен князем Яковом. От купели восприимал его крайчий князь Борис Алексеевич Голицин. За выезд пожалован деньгами, одарен платьем и для оклада отправлен из посольскаго приказа в Розряд». ²⁸

Вторая челобитная Кашпера Курбского была послана 15 февраля 1687 г.: «Перевод с Польскаго листа, каков писал царственныя большия печати и государственных великих посольских дел ко оберегателю, к ближнему боярину и наместнику Новгородскому, ко князю Василию Васильевичу Голицыну, князь Кашпер Курбский.

Ясне-освячоный, милостивый княже Василий Васильевич Голицын, государь мой милостивый! Здравия добраго желая Вашей княжеской милости, всякаго от господа вышняго счастья, благоприветствую на неисчетныя лета со всем твоим домом вельможным употреблять, а особо с яснесвячною ея милостью княгинею своею и с любимым наследием жити в добром здравии вашей вельможности на неисчетныя лета.

При сем моем письме посылаю отродие свое нарочно челом ударити Вашей княжеской милости, слыша о неисповедимой милости к детям моим, которые по смотрению божию при великих и при светлейших царех московских на вечное житье остались, за что Вашей княжеской милости сам господь вышний будет воздаянием, и я не в достойных молитвах моих с женою и с детьми моими, при мне оставшуся, до конца житья моего денно и ночно за здравие Вашей княжеской вельможности от господа молить обещаюся; того для прошу Вашей княжеской вельможности, чтоб и впредь в милости своей княжой и отеческой их блюсти.

При сем моем письме и я сам по се время в пошлых летех моих до воли божию пребывая, вашей княжеской милости приятство свое вручаю.

Писан в Пилонках, февраля в 15 день 1687 году. Вашей княжой милости желательный приятель князь Кашпер Курбский». ²⁹

Между Кашпером Курбским и русскими властями могли быть установлены контакты еще раньше, «лет 30 тому назад», когда, по словам Александра Курбского, его отец был взят в плен русскими «ратными людьми», крещен в православную веру, служил русскому царю Алексею до тех пор, пока города Полоцк и Витебск не были отданы полякам. ³⁰

²⁶ Устрялов, с. 422.

²⁷ Там же, с. 423.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Выезд польского шляхтича князя Александра Курбского в российскую службу.— ЦГАДА, ф. 150, ед. хр. 2, год 1686, март 17, с. 2.

Из содержания челобитных следует, что между Голицыными и Курбскими сложились особые отношения. Голицыны покровительствовали Курбским. Б. А. Голицын стал крестным отцом Александра, правнука А. М. Курбского, а В. В. Голицын, очевидно, взял его под покровительство после получения письма Кашпера Курбского, уже давно проявляя «милость» к Якову, приехавшему в Россию. Кашпер Курбский знает членов семьи В. В. Голицына (жену и детей), вероятно, со слов своих сыновей. Курбские (возможно, Яков, приехавший раньше Александра) могли подарить Б. А. Голицыну сочинения своего прадеда, уцелевшие ко второй половине XVII в., может быть даже черновик, которым дорожили в семье. С него-то и могла быть снята копия для В. В. Голицына, известного ценителя и собирателя рукописей и книг,³¹ имевшего доступ к документам Посольского приказа.³²

Кроме того, исследователя заинтересовывает следующий факт. Нейкий Яков Курбский упоминается в «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках»,³³ где указывается, что в селе Богородицком Московского уезда, принадлежавшем В. В. Голицыну, содержались две лошади князя Якова Курбского. Далее Я. В. Курбский упоминается как поручитель Ивана Тинбаева, «человека» Василия Голицына: он давал властям поручительство, что Тинбаев никуда не выедет из Москвы.³⁴ Значит, это близкий Голицыну человек. Не является ли Я. В. Курбский правнуком А. М. Курбского, получившим новое имя после принятия православной веры? Если это так, то упомянутые факты подтверждают нашу мысль о том, что Голицыны и потомки Курбского были в дружбе. Голицыны после принятия Курбскими русского подданства неизменно им покровительствовали, и Курбские (правнуки боярина) могли подарить рукопись прадеда вельможе, который содействовал их приезду в Россию.

Состояние рукописи, принадлежавшей В. В. Голицыну, свидетельствует о том, что она неоднократно читалась: нижние углы листов — грязные, многие листы подклеены. Сборник подвергся реставрации и экспонировался на выставке 1902 г. в г. Харькове. Об этом свидетельствует «Каталог выставки XII Археографического съезда в г. Харькове»,³⁵ где в главе II — «Рукописи, принадлежащие Библиотеке имп. Харьковского университета, раздел VII, исторического содержания», под № 137 упоминается «История о великом князе Московском, о еже слышати у достоверных и еже видехом очима нашими». О том, что речь идет именно о Голицынском сборнике, свидетельствует примечание на с. 33 «Каталога»: «В конце анограмма: „Царю Алексею Михайловичу вечная память“».

³¹ О составе библиотеки В. В. Голицына см. в кн.: С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 107—112.

³² Известно, что в 1686 г. В. В. Голицын руководил в Посольском приказе работой по составлению официального летописца. Подробнее об этом см.: Л. В. Черепнин. «Смута» в историографии XVII века. — ИЗ, 1945, т. 14, с. 116—119.

³³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. III. СПб., Изд. Археографической комиссии, 1888, с. 231, 633.

³⁴ Там же, с. 1007.

³⁵ Каталог выставки XII Археографического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902.

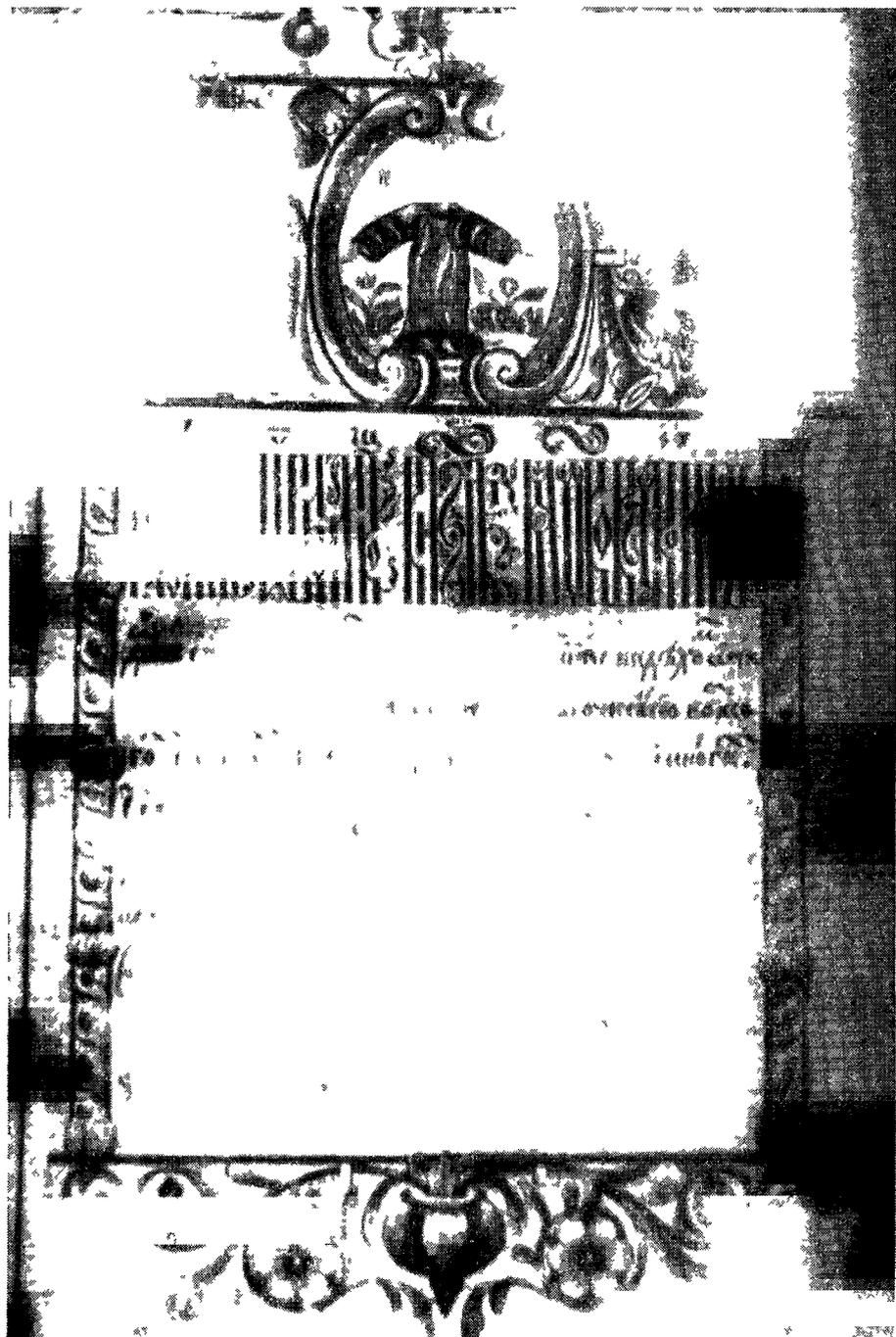

Рис. 1. Титульный лист сборника.
Библиотека Харьковского университета, № 176.

был переписан полностью вскоре после смерти царя, умершего в 1676 г., и после того, как в этом же году Симеон Полоцкий написал ему свой некролог «Глас последний ко господу богу». По-видимому, сборник создавался в течение непродолжительного времени «в дому» и по заказу В. В. Голицына людьми, близкими ему и С. Полоцкому, когда В. В. Голицын еще пользовался авторитетом и влиянием. Иначе невозможно объяснить ни внесение в конец рукописи посвященных царю стихов С. Полоцкого, ни появление на л. 236 об. записи о написании книги «в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына» (рис. 2).

Рис. 2. Посвящение кн. В. В. Голицыну на л. 236 об.

Библиотека Харьковского университета, № 176.

Основываясь на владельческой записи, только что изложенных и ряде иных соображений, о которых скажем ниже, предлагаем для всего сборника установить условное название «Голицынский сборник», а для списка «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского из этого сборника — название «Голицынский список» «Истории».

Если сопоставить содержание Голицынского сборника с печатным описанием того сборника, который был опубликован Г. З. Кунцевичем,¹⁵

¹⁵ Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. Под ред. Г. З. Кунцевича.— РИБ, т. XXXI. СПб., 1914 (далее: Кунцевич). Г. З. Кунцевичем использованы полные списки «Истории» Курбского, выполненные в XVII в., со всеми разночтениями.